

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

татарина съ киргизомъ, помѣщенное г. В. въ заключеніе (стр. 43—63); другіе образцы такихъ состязаній, называемыхъ киргизами «каім ълѣр» можно найти въ III томѣ «Образцовъ» В. В. Радлова. Если мы отбросимъ брань и кое-какія прибаутки—то и другое неизбежно конечно при полямкѣ мало культурныхъ татарскихъ и киргизскихъ пѣвцовъ—то останется все-таки много интересныхъ свѣдѣній и замѣчаній; особенно много горькой правды высказываютъ пѣвцы-киргизы своимъ противникамъ, которые очень гордятся своимъ «яманомъ», но не отличаются чистотою нравовъ и не стыдятся, наживаясь торговлею въ степи, ругать степняковъ-киргизовъ Относительно переводовъ г. В. ср. сказанное выше по поводу другихъ его брошюръ; въ виду безспорности перевода, надо особенно благодарить автора за то, что онъ даетъ *текстъ*.

Позволю себѣ по этому поводу выразить желаніе, чтобы народныя турецкія произведенія всегда появлялись въ печати въ текстѣ; одного перевода положительно мало.

П. М.

253. Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ. Типо-литографія Б. Брелшна. 1897. 243 стр. 16^о.

Уже давно стали библіографическою рѣдкостью «Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія» Н. И. Ильминскаго, и въ литературѣ о киргизахъ и ихъ языкѣ все болѣе и болѣе становился замѣтнымъ существенный пробѣлъ: отсутствіе хотя бы небольшого спеціального словарика этого нарѣчія, которымъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, говоритъ *второе* (послѣ османскаго) по многочисленности турецкое племя, а именно болѣе 3.200,000 чел. казакъ-киргизовъ (см. Живая Старина. 1896. III и IV, стр. 390). Нельзя не привѣтствовать поэтому появленіе новаго, нѣсколько дополненнаго и иначе расположеннаго изданія словарика покойнаго Н. И. Ильминскаго, предпринятаго однимъ изъ его бывшихъ учениковъ [В. В. Катаринскимъ]. Несмотря на небольшой сравнительно объемъ (243 стр. въ 16^о) онъ весьма содержателенъ, такъ что для пониманія киргизской прозы будетъ навѣрное вообще совершенно достаточенъ, да и при чтеніи киргизскихъ стиховъ можетъ служить хорошимъ пособіемъ. Съ лингвистической точки зрѣнія онъ совершенно безпретенціозенъ: словопроизводства въ немъ не дается, иностранныя слова не отмѣчены, даже транскрипція (въ общемъ впрочемъ очень недурная) кое-гдѣ несовсѣмъ точна и послѣдовательна. За то въ него включено довольно много свѣдѣній касательно быта киргизовъ, ихъ обычнаго права, времясчисленія и т. п., такъ что несмотря

на кое-какіе мелкіе недосмотры эту книжку можно горячо рекомендовать всѣмъ интересующимся киргизскимъ языкомъ, а въ особенности начинающимъ туркологамъ.

П. М.

254. С. Г. Рыбановъ. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. С.-Петербургъ. 1897. VIII + 330 стр. 8° и 1 карта. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію, томъ II, № 2).

Въ настоящее время едва-ли у кого нибудь можетъ быть сомнѣніе въ близкой связи, существующей между пѣніемъ, музыкой, ритмомъ и стихосложеніемъ, особенно у народовъ мало-культурныхъ, у которыхъ поэтъ, пѣвецъ и музыкантъ почти всегда совмѣщаются въ одномъ лицѣ, по турецкой поговоркѣ: «Поэту необходимы три вещи: рѣчь, голосъ и музыкальный инструментъ». Но съ другой стороны знаніе языка и стихосложенія далеко не всегда соединяются у европейскаго филолога съ основательнымъ знаніемъ музыки, а поэтому нельзя не радоваться, когда музыканты приходятъ на помощь филологамъ при изученіи музыки, пѣнія и стихосложенія у различныхъ народностей.

Метрика турецкихъ народныхъ пѣсенъ и былинъ пока совершенно еще не разработана, и книга С. Г. Рыбакова несомнѣнно послужитъ полезнымъ пособіемъ тому ученому, который когда нибудь займется этой небезинтересной и во многихъ отношеніяхъ важной отраслью туркологіи. Собранныя г. Р. мелодіи татарскія (стр. 51—108), башкирскія (109—194), тептярскія (195—208) и бакалинскія (209—214) составляютъ главную цѣнность его труда. Не можемъ не пожалѣть о томъ, что тексты ко всѣмъ этимъ мелодіямъ записаны далеко не вполне удовлетворительно; авторъ почти не знаетъ ни одного изъ діалектовъ, на которыхъ говорятъ пѣвцы, слышанные имъ, и вслѣдствіе этого ему приходилось записывать прямо по слуху, а переводить—полагаясь на туземцевъ болѣе или менѣе знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Въ редактированіи первой части (татарскихъ пѣсенъ) принялъ участіе В. В. Радловъ, примѣнившій къ текстамъ г. Р. крещено-татарскіе или миссіонерскіе орографическіе приемы; при редактированіи прочихъ текстовъ авторъ этихъ строкъ счелъ своимъ долгомъ вносить поправки лишь съ крайней осторожностью въ виду малозвѣстности башкирскаго и тептярскаго говоровъ, но долженъ сознаться, что многое въ текстахъ и транскрипціи г. Р. казалось ему сомнительнымъ. Этнографическій очеркъ г. Р., а также его личныя впечатлѣнія отъ поѣздокъ по Башкиріи, характеристики пѣвцовъ и музыкантовъ и пр. написаны